Информация для цитирования:

Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 519–539. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-519-539.

Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V. E. Konvalidatsiya nedeystvitel'nykh сделок v rossiyskom prave [Convalidation of Invalid Transactions in Russian Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 45. Pp. 519–539. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-519-539.

УДК 347.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-519-539

КОНВАЛИДАЦИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Е. М. Тужилова-Орданская

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой гражданского права

Башкирский государственный университет
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

ORCID: 0000-0001-5529-7946

ResearcherID: H-3662-2016

E-mail: ordanskayelena@list.ru

В. Е. Лукьяненко

Доктор юридических наук, профессор

Ульяновский государственный университет
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

ORCID: 0000-0002-5278-6573

E-mail: prof-lu@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.02.2019

Введение: статья посвящена некоторым проблемным вопросам исследования конвалидации недействительных сделок в российском праве. **Цель:** сформировать на основе изучения правоприменительной практики и юридической литературы представление о правовой природе, правовом регулировании, конвалидации недействительных сделок. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. **Результаты:** предпринята попытка сформировать представление о феномене конвалидации недействительной сделки как целостном правовом явлении, а не отдельном случае исключения из общего правила о неисцелимости недействительной сделки. **Выводы:** анализ норм отечественного законодательства о конвалидации недействительных сделок показал, что системный подход к регулированию данного правового явления отсутствует; нормы, закрепляющие возможность конвалидации недействительных сделок, имеют нечеткую форму-

лировку, регулирование характеризуется фрагментарностью, что затрудняет их применение, в том числе судами. Ситуация усугубляется наличием в нашем законодательстве термина «незаключенный договор» («несостоявшаяся сделка»), сущность которого доктринально не разработана. В связи с этим нередки случаи, когда суд первой инстанции признает сделку недействительной и применяет последствия ее недействительности, а суд второй инстанции отменяет данное решение и квалифицирует сделку как несостоявшуюся (незаключенный договор), вследствие чего применяет нормы о неосновательном обогащении. Причины данных проблем кроются в отсутствии научного обоснования природы конвалидации. До определенного момента широко распространенная классическая теория недействительности сделок рассматривала изучаемое правовое явление только относительно к оспоримым сделкам, полагая невозможным применение конвалидации к ничтожным сделкам. Однако последующее развитие оборота, а также необходимость защиты особых интересов потребовали распространения правил о конвалидации и к ничтожным сделкам – в случаях, прямо предусмотренных законом и только в судебном порядке.

Ключевые слова: гражданское право; общие положения о сделках; недействительная сделка; оспоримая и ничтожная сделка; незаключенный договор; конвалидация (исцеление) сделки

CONVALIDATION OF INVALID TRANSACTIONS IN RUSSIAN LAW

E. M. Tuzhilova-Ordanskaya

Bashkir State University
32, Zaki Validi st., Ufa, 450076, Russia
ORCID: 0000-0001-5529-7946
ResearcherID: H-3662-2016
E-mail: ordanskayelena@list.ru

V. E. Lukyanenko

Ulyanovsk State University
42, Lva Tolstogo st., Ulyanovsk, 432017, Russia
ORCID: 0000-0002-5278-6573
E-mail: prof-lu@yandex.ru

Received 09.02.2019

Introduction: the article presents some of the problematic issues in researching convalidation of invalid transactions in Russian law. **Purpose:** to develop an understanding of the legal nature, legal regulation and convalidation of invalid transactions by studying the law enforcement practice and juridical literature. **Methods:** empiric methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: juridical dogmatic method and the method of legal norms interpretation. **Results:** there has been made an attempt to gain an understanding of the invalid transaction convalidation concept as of an integral legal phenomenon and not an individual exception to the general rule about incurability of invalid transactions. **Conclusions:** as shows the analysis of the provisions of national legislation covering convalidation of invalid transactions, the systemic approach to regulating this legal phenomenon is missing; the norms that establish the possibility of convalidating invalid transactions have unclear wording, the regulation is characterized by a fragmentary nature, which complicates the application of norms, including by courts. The situation is worsened by the existence of the term 'non-concluded agreement' ('failed transaction') in our legislation,

with its subject matter not being doctrinally elaborated and justified. In this connection, it is not a rare case when the court of primary jurisdiction declares a transaction invalid and enforces the consequences of its being invalid, while the court of appellate jurisdiction reverses this decision and qualifies the transaction as failed (non-concluded agreement) and hereupon applies the norms on unjust enrichment. These problems are caused by the absence of the scientific substantiation for the nature of convalidation. Until a certain moment, the widely spread classic theory of the transaction invalidity had viewed the phenomenon under discussion only with respect to the contentious transactions and had deemed it impossible to apply convalidation to void transactions. However, the subsequent development of transactions as well as the necessity to protect the special interests required extension of the convalidation rules to void transactions – in cases explicitly stated by law and through legal action only.

Keywords: civil law; general provisions on transactions; invalid transaction; contentious and void transactions; non-concluded agreement; convalidation (curing) of a transaction

В целях сохранения логики и последовательности исследования мы должны, по точному замечанию Д. Д. Гримма, в первую очередь «решить, какую область явлений мы желаем изучить и по возможности объяснить. А для этого нам, очевидно, необходимо описать интересующие нас явления, то есть, выделить их из числа окружающих явлений, указать существенные родовые черты сходства их между собою, каковые вместе с тем являются родовыми чертами отличия их от явлений иного порядка; засим надлежит среди самих изучаемых явлений произвести группировку по видовым признакам сходства и различия...» [11, с. 5]. Поэтому для уяснения сущности конвалидации недействительных сделок сначала следует определить правовую природу самих недействительных сделок: являются они сделками или их нужно отнести к иной категории юридических фактов, например к правонарушениям, и, как следствие, говорить либо о конвалидации недействительных, но все же сделок или, что само по себе парадоксально, о конвалидации правонарушений?

Мнения ученых-цивилистов на этот счет расходятся – в зависимости от ответа на два основных вопроса: во-первых, является ли правомерность конструктивным признаком сделки вообще или только действительной сделки; во-вторых, входят ли правовые последствия, на которые были направлены действия сторон, в содержание понятия сделки?

Разные ответы на поставленные вопросы обусловили различие в подходах к определению природы недействительной сделки.

Начнем с исследования вопроса о правомерности как признаке сделки.

Как указывал еще О. А. Красавчиков, в доктрине не достигнуто единства по вопросу о правомерности сделки. Одни ученые считают правомерность неотъемлемым качеством гражданско-правовых сделок, другие полагают, что она не является составным элементом сделки [22, с. 172–173].

Первая группа ученых рассматривает сделку в первую очередь как правомерное действие. В частности, Д. И. Мейер писал, что собственно сделками можно считать только законные сделки, под которыми он понимал сделки, прямо предусмотренные законом, а также не противоречащие ему. Эта идея была поддержана и впоследствии развита многими отечественными учеными, хотя в термин «правомерность» каждый из них вкладывал свое собственное понимание, что в результате стало причиной различия во взглядах на природу недействительной сделки.

Например, М. М. Агарков и И. Б. Новицкий сходились во мнениях, рассматривая сделки, совершенные с противной целью или в обход закона, а также сделки, направленные на причинение явного ущерба для государства (ст. 30 ГК РСФСР 1922 г.), как противоправные деяния (правонарушения). Однако по поводу остальных недействительных сделок указанные ученые уже не были столь единодушны. И если оба они считали такие сделки правонарушениями, то М. М. Агарков отказывал остальным недействительным сделкам в правомерности, а И. Б. Новицкий не был уж столь категоричен. Причина такой диаметральной разницы во

взглядах заключалась как раз в различии понимания учеными категории правомерности.

М. М. Агарков считал остальные недействительные сделки юридически безразличными действиями, так как результатом их не является ни возникновение, ни изменение, ни прекращение правоотношений, однако не неправомерными, так как законодательно такие сделки не запрещены. К безразличным для права действиям ученый относил сделки, предусмотренные ст. 29, 31, 34 ГК РСФСР 1922 г.: заключенные с несоблюдением установленной для такого рода сделок формы, совершенные недееспособным или лицом, не осознававшим значения своих действий, а также мнимые и притворные. И. Б. Новицкий же, наоборот, признавал все недействительные сделки юридическими фактами, а те из них, которые не являлись, по его мнению, правонарушениями, относил к категории правомерных действий. По представлению И. Б. Новицкого, недействительные сделки могут быть как неправомерными, так и правомерными.

Ф. С. Хейфец указывал, что ничтожная сделка является правонарушением [38, с. 102]. Однако согласиться с данным утверждением сложно ввиду того, что в некоторых случаях квалификация ничтожной сделки как правонарушения не соответствует общепринятым представлениям о противоправности.

Так, согласно позиции Ф. С. Хейфеца, сделки малолетних и лиц, признанных недееспособными, следует относить к правонарушениям, а сами стороны такой сделки – к правонарушителям. При этом, если бы недействительная сделка была бы конвалидирована, могла бы сложиться парадоксальная ситуация: произошла бы трансформация правонарушения в правомерное действие.

Помимо прочего, необходимо отметить существенное различие между недействительной сделкой и правонарушением: недействительная сделка (за исключением определенных сделок, которые также воплощают в себе составы административного правонарушения или преступления), в отличие от правонарушения, не преследуется государством в лице его правоохранительных органов.

По мнению К. И. Скловского, сами по себе ничтожные и незаконные сделки не могут считаться правонарушением и влечь какие-либо

санкции. А уж если ничтожная сделка была не только совершена, но и не оспорена, то невозможно не считать ее юридическим фактом [34].

Д. М. Генкин полагал, что сделку как юридический факт характеризует наличие действия (воли), которое направлено на формирование или изменение конкретного правоотношения, а лица, совершающие деликты, не преследуют цели возникновение каких-либо правовых последствий. При этом правомерность или неправомерность не являются обязательным признаком сделки как юридического факта, а определяют лишь различные ее последствия [9, с. 50].

Эта идея была впоследствии поддержана Н. В. Рабинович и В. П. Шахматовым, считавшими правомерность признаком действительной сделки, но не сделки вообще. Н. В. Рабинович отмечала, что недействительная сделка является именно сделкой, поскольку, во-первых, является волевым действием, выражающим волю субъекта права в определенной форме; во-вторых, волеизъявление в данном случае направлено на установление, изменение или прекращение гражданского правоотношения; в-третьих, результатом совершения такой сделки является определенное правоотношение; в-четвертых, стороны ее желают возникновения именно правомерного гражданско-правового отношения и не преследуют никаких противоправных целей [31, с. 14].

Такой же позиции придерживается А. Манник: «...Должно бросаться в глаза внешнее отличие подхода, которое имеет место при регулировании сделочных фактических составов. Закон нормирует ничтожность только применительно к сделкам. Лишь по отношению к сделке возможен и необходим легальный вердикт ничтожности, оспоримости или подобного рода порочности... Все другие фактические составы закон самостоятельно прописывает в полном объеме, так что фактический состав, который не соответствует законодательному регулированию, не имеет и эффекта. Напротив, закон никогда не содержит целого фактического состава сделки, если он вообще его регулирует» [48, S. 47].

Действительно, поскольку закон наделяет частную автономию полномочием совершать сделки, сделочные фактические составы имеют различную правовую природу. Тем, что закон регулирует ничтожность сделок, он регулирует

одновременно пределы управомочия частной автономии. Устанавливая по тому или иному основанию ничтожность сделки, закон выступает против «воплощенной в фактическом составе сделки частной автономии». В фактических составах, являющихся не сделками, а правонарушениями, содержание, направленность частной автономии не принимается во внимание, поскольку они исчерпывающе урегулированы законом. Правонарушение либо есть (когда имеется нормативно установленный состав), либо нет.

Следует сказать, что недействительная сделка – это, безусловно, действие неправомерное; в силу несоответствия данного действия тем или иным нормам закона право отрицает последствия этого фактического состава, что выражается в недействительности. Однако правомерность – не конструктивный признак сделки. Как видится, основной причиной вывода о том, что сделка как юридический факт суть правомерное действие, является общепризнанная классификация юридических фактов [12, с. 324–325; 13, с. 433–434]. Согласно данной классификации, все юридические факты по волевому признаку подразделяются на события и действия. Далее действия подразделяются на правомерные и неправомерные; к неправомерным действиям относятся преступления и проступки, а правомерные действия, снова по волевому признаку, а именно по критерию значения воли в квалификации соответствующего действия, делятся на юридические акты (куда относятся в том числе сделки) и юридические поступки. Таким образом, в данной классификации сделки относятся к правомерным действиям. Однако необходимо отметить, что данная классификация нарушает законы логики, поскольку не обладает признаком единого основания деления: в процессе деления избранный признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком. Как отмечает О. В. Гутников, в данной классификации основаниями деления юридических фактов являются волевой признак (события-действия, юридические акты – юридические поступки) и признак правомерности (правомерные-неправомерные действия) [17, с. 77–78], за счет чего нарушается последовательность классификации, так как допускается логическая ошибка – подмена основания деления. Следует отметить,

что другие классификации юридических фактов построены по единому основанию деления, например по характеру наступающих последствий, – правообразующие, правоизменяющие и прерывающие юридические факты [24, с. 656; 35, с. 283; 36, с. 636].

Между тем, возвращаясь к нашей классификации, исходя из правила единого основания деления при выборе такого основания деления, как воля субъекта, логически последовательным будет деление всех юридических фактов на события и действия, и деление – на юридические акты и юридические поступки, которые, по признаку соответствия / несоответствия юридическому факту предписаниям закона, могут быть как правомерными, так и неправомерными. К неправомерным юридическим актам будут относиться недействительные сделки, а к неправомерным юридическим поступкам – преступления и правонарушения. По точному замечанию О. В. Гутникова, воля преступника не направлена на привлечение к ответственности как достижение правового результата. Более того, наступления такого последствия правонарушитель хотел бы избежать, «но этот результат наступает независимо от того, была ли специально направлена на него воля» [17, с. 78].

Резюмируя эту часть, нужно сказать, что юридические акты и юридические поступки могут быть как правомерными, так и неправомерными – это самостоятельное основание деления, которое не может включаться в деление по волевому признаку; а правомерность не является существенным признаком сделки, недействительные сделки, по классификации юридических фактов, также относятся к сделкам.

В связи с изложенным закономерно поставить следующий из исследуемых нами вопросов: является ли наступление правовых последствий, на которые была направлена воля сторон сделки, конститутивным признаком сделки? Допустимо ли квалифицировать недействительные сделки, которые не влекут желаемых сторонами сделки правовых последствий, юридическими фактами?

М. М. Агарков полагал, что термином «сделка» следует обозначать только такие действия, которые действительно порождают желаемые сторонами сделки правовые последствия. Действия, которые такие последствия не

порождают, он предлагал называть волеизъявлением и говорить о недействительности волеизъявления, а не сделки [1, с. 41].

По справедливому замечанию Д. И. Мейера, «если не наступают прямые последствия сделки – те последствия, которые она влекла бы за собой, будучи действительной, то отсюда не следует еще, что сделка лишена всякого юридического значения! Факт, что сделка совершена, все-таки существует и может влечь за собой другие юридические последствия» [25, с. 204].

Сторонники включения в объем понятия «сделка» и действительных, и недействительных сделок считают, что нельзя включать правовые последствия в фактический состав сделки. «...В сделке, как одной из разновидностей юридических фактов, – указывал И. Б. Новицкий, – надо различать сами факты, или фактический состав, и юридические последствия, которые с этими фактами связываются... Факт никак не может превратиться в не факт... Факт может быть безразличным с точки зрения права, но недействительным быть не может. Другое дело – те юридические последствия, которые с ним нормально связываются: они могут наступить, могут не наступить, и в этом последнем случае имеет место недействительная сделка» [28, с. 67].

Как мы видим, ученый разграничивал сделку-факт и сделку-правоотношение. Необходимо отметить, что в литературе разными авторами обращалось внимание на данное разграничение [6, с. 12; 23, с. 117]. Из данного разграничения, как указывал О. В. Гутников, следует, что под недействительностью подразумевается недействительность или отрицание сделки-правоотношения, а именно прав и обязанностей, которые должна была повлечь сделка-факт, но которые не наступили, а наступили иные («отрицательные») последствия, не соответствующие воле сторон. При этом сделка как юридический факт существует [17, с. 28, 38].

Согласимся с данным утверждением. Недействительная сделка – это, несомненно, юридический факт. Не являются юридическими фактами только те соглашения, которые правопорядку безразличны и с которыми правопорядок не связывает каких-либо правовых последствий. Недействительная сделка не безразлична правопорядку, и, по крайней мере, правопорядок

связывает с ней правовые последствия ее недействительности, что, безусловно, включает ее в круг правовых явлений, т. е. юридических фактов.

Кроме того, необходимо отметить, что исполнение недействительной сделки в отсутствие судебного спора о ее недействительности порождает все вытекающие из нее правовые последствия.

По этому поводу Д. И. Мейер в свое время указывал: «Ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные, и нередко встречаются в действительности» [25, с. 179]. Иначе говоря, способность или неспособность сделки вызывать правовые последствия – это ее характеристика, отражающая оценку правопорядком сделки как желательной или нежелательной.

Кроме того, обратимся к понятию сделки, закрепленному в нашем законодательстве, и являющемуся классическим для российской науки гражданского права. Согласно статье 153 ГК РФ, сделками являются действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей¹. Как видим, из легального определения сделки не следует вывод о том, что в понятие «сделки» с необходимостью входят правовые последствия, на которые были направлены действия сторон сделки. Напротив, сделка, будь то действительная или недействительная, характеризуется как действие, имеющее направленность воли на установление, изменение или прекращение правоотношения. Именно направленность воли на определенный правовой результат отграничивает сделку как юридический факт от другой разновидности юридических фактов – поступков, где направленность воли не носит квалифицирующего характера [20, с. 116; 23, с. 114–115]. Недействительная сделка недействительна именно как сделка в силу того, что воля сторон недействительной сделки направлена на определенный правовой результат, который хоть и не достигается ввиду пороков сделки, но именно

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

факт направленности воли сторон недействительной сделки на определенный правовой результат не позволяет нам квалифицировать недействительную сделку в качестве другой разновидности юридических фактов, например в качестве юридического поступка. И именно этот же признак отграничивает недействительные сделки от правонарушений, где наступают именно те правовые последствия, которых лицо стремилось избежать путем совершения правонарушения.

Таким образом, хотя недействительная сделка не влечет желаемых правовых последствий, она все-таки является сделкой не только по названию, но и как юридический факт. Как юридический факт ничтожная сделка остается сделкой, но желаемый правовой эффект от нее не наступает, а недействительна она именно как сделка из-за присущих ей как сделке недостатков¹.

Говоря далее о конвалидации (исцелении) сделок², следует отметить, что этому вопросу как предложению *de lege ferenda* уделено определенное внимание в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ³, одной из тенденций которой в сфере правового регулирования недействительности сделок является сведение к минимуму возможности уничтожения исполненных сделок. Кроме конвалидации сделок, в цивилистической науке выделяются следующие основные направления ограничения возможности признания оспоримых сделок недействительными и применения последствий недействительности ничтожных сделок:

– смена презумпции ничтожности сделок, которые нарушают требования закона или иного правового акта, на презумпцию оспоримости;

– установление обязанности истца по делу об оспаривании сделки доказать нарушение сделкой его прав и охраняемых законом инте-

ресов или наступление иных неблагоприятных для него последствий;

– установление за судом права применять последствия недействительности ничтожной сделки, если это предусмотрено законом либо необходимо для защиты публичных интересов;

– удовлетворение требования о признании недействительной ничтожной сделки, не предусматривающее требования о применении последствий недействительности сделки, поставлено в зависимость от наличия или отсутствия у истца охраняемого законом интереса в признании сделки недействительной;

– ограничение перечня лиц, уполномоченных требовать применения последствий недействительности ничтожной сделки, только стороной сделки или иным лицом – в случаях, предусмотренных законом [4, с. 39].

Несмотря на то, что в действующем законодательстве отсутствуют не только определение конвалидации (исцеления) сделки, но и прямое указание на этот термин, в ГК РФ имеются нормы, регулирующие возможность исцеления:

– сделок, одной из сторон которых является лицо, признанное судом недееспособным (ст. 171 ГК РФ);

– сделок, одной из сторон которых является лицо, не достигшее возраста 14 лет (ст. 172 ГК РФ);

– сделок, требующих нотариального удостоверения, в ситуации, когда одна сторона полностью или частично исполнила такую сделку, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения (п. 1 ст. 165 ГК РФ).

Основанием конвалидации является недействительность сделки.

Необходимо отметить, что конвалидация недействительной сделки развилась как исключительное правовое средство, позволяющее нивелировать пороки сделки, влекущие, в соответствии с положениями классической теории недействительности сделок, недействительность в форме ничтожности или оспоримости. Согласно положениям классической теории недействительности сделок ничтожные сделки не могут быть исцелены ничем, даже давностью, поскольку то, что не имеет условий для существования, не станет действительным с течением времени [10, с. 152].

¹ Автор отождествляет несостоявшиеся и недействительные сделки и в дальнейшем, говоря о конвалидации недействительных сделок, имеет в виду исцеление как оспоримых сделок, так и в определенных законом случаях ничтожных (несостоявшихся сделок).

² В переводе с латинского глагол «convalescere» означает «исправлять», «усиливать», «исцелять».

³ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. URL: <http://priv-law.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/koncepciya7/> (дата обращения: 03.06.2017).

Иначе обстоит дело с оспоримыми сделками, поскольку они действительны и влекут именно те юридические последствия, которые стороны хотели достичь, однако одна из сторон или иное заинтересованное лицо имели право ее оспорить. После оспаривания сделка уничтожается, т. е. восстанавливается состояние, которое существовало до ее заключения.

Однако с развитием оборота появилась потребность в защите отношений, которые, с точки зрения закона, защите не подлежали, но представляли интерес и для сторон, и для государства и общества в целом. А поскольку право должно выражать интересы всех участников оборота, то такое отступление от правил следует считать обоснованным. В ином случае защита определенных правомерных интересов была бы невозможна. Это касается в том числе и конвализации недействительных сделок.

Идея конвализации сделок основывается на теории о защите доверия и теории видимости права. Последняя возникла и получила развитие в Германии в различных сферах частного права: исцеление ничтожного брака; обоснование приобретения права собственности добросовестным приобретателем; обоснование владения; исцеление недействительных сделок. Основные вопросы, которые исследуются сторонниками теории видимости права: могут ли наступить правовые последствия в случае, если условия, от которых зависит их возникновение, не выполнены, а создана лишь видимость их выполнения; и если в этом случае можно довольствоваться видимостью права, то можно ли не считаться ради защиты оборота с последствиями трансформации сделки в недействительную?

Теория видимости права основывается на том, что внешняя видимость правового явления влечет соответствующие правовые последствия. То есть видимый факт сделки обуславливает ее действительность для всех субъектов гражданского оборота до тех пор, пока не появится другой видимый факт, который опровергнет возможность ее существования. Однако необходимо учитывать, что теория видимости права действует и блокирует установленные законом последствия в виде недействительности сделки только в отношении добросовестного лица. Это объясняется ее исключительно

политико-правовым значением и неразрывно связанными с этим задачами [41, с. 275].

Теория о защите доверия основана на приоритете защиты прав добросовестной стороны правоотношения, ее обоснованных ожиданий о действительности и исполнении сделки. Данная теория получила развитие также в немецкой правовой доктрине. Историческими корнями теория уходит в римское право и выводится из принципа доброй совести – *bona fide*. Теория о защите доверия привлекла пристальное внимание ученых во второй половине XX века при разрешении доктринального спора об основании возникновения обязательства. Так, Ф. Быдлински в этой связи пишет: чтобы обосновать возникновение обязательства лица, изъявившего волю, недостаточно осознанного волеизъявления, поскольку правопорядок должен учитывать в первую очередь интересы контрагента по сделке и исходить из защиты гражданского оборота [43, S. 69]. На это С. В. Канарис возражает: теория о защите доверия не имеет какого-либо значения для возникновения обязательства, а только усложняет понимание частной автономии лица, изъявившего свою волю, поскольку теория о защите доверия обосновывает действительность сделки исходя не из личности лица, изъявившего волеизъявление и не из принципа свободы договора (на чем настаивал С. В. Канарис), а из личности контрагента, доверие которого вызвано [44, S. 415]. Однако, принципы свободы договора и защиты доверия не являются взаимоисключающими и могут действовать совместно [47, S. 78, 90]. Применительно к влиянию теории о защите доверия к исцелению сделок необходимо отметить, что именно в силу необходимости защиты доверия, вызванного у контрагента лица, изъявившего волю, порочное волеизъявление может повлечь за собой правовое последствие, которое хотя и не соответствует действительной воле лица, но тем не менее может рассматриваться как обязательство, основанное на сделке [46, S. 85]. О возникновении обязательства при отсутствии действительной сделки, основываясь на необходимости интересов защиты доверия, писал также М. Дрехелиус [45, S. 25].

Таким образом, исцеление недействительной сделки объясняется необходимостью:

– обеспечения стабильности имущественного оборота, который подрывается от обилия недействительных сделок и, как следствие, вытекающих из этого обстоятельства судебных споров;

– защиты особого интереса (малолетних и недееспособных);

– защиты добросовестной стороны сделки при недобросовестных действиях контрагента, создавших видимость намерения исполнить сделку.

В рамках исследования конвалидации (исцеления) недействительной сделки будет уместно исследовать генезис теоретико-правовых взглядов на конвалидацию недействительной сделки.

Исключение из общего правила о неисцелимости недействительности было предусмотрено еще в римском праве и касалось запрета наследникам истребовать у пережившего супруга наследодателя имущество, а также сделки дарения, превышающей установленную законом сумму [37, с. 187]. По мнению Ч. Санфилиппо, появление исключения обусловлено такой функций недействительной сделки, как обратимость, которая предполагает возможность конвалидации. Исцеление оспоримой сделки зависит от поведения субъекта, который вправе либо сослаться на недействительность сделки и таким образом уничтожить ее, либо закрепить совершенную сделку в явной либо в неявной форме, поведением показывая, что соглашается принять последствия оспоримой сделки. Также Ч. Санфилиппо указывал, что конвалидация оспоримой сделки может совершиться даже в том случае, если управомоченное на оспаривание сделки лицо не предприняло для этого никаких действий. То есть речь в данном случае идет об истечении срока исковой давности [32, с. 115].

Таким образом, римское право весьма двойственно решало вопрос исцелимости недействительных сделок: с одной стороны, ничтожным сделкам было отказано в конвалидации; с другой стороны, оспоримые сделки могли быть исцелены, если вследствие их одобрения или признания отпадали основания недействительности или пропущен срок исковой давности.

В трудах отечественных правоведов дореволюционного периода прослеживаются от-

сылки к явлению конвалидации недействительной сделки, хотя сам термин «конвалидация» ими не использовался.

По мнению Д. И. Мейера, конвалидация с юридической точки зрения представляет собой не исцеление заключенной, а заключение новой сделки [25, с. 236].

Позицию Д. И. Мейера оспаривал К. Н. Анненков. Он полагал, что его коллега сильно упростила сложившийся порядок. По мнению самого К. Н. Анненкова, необходимо различать сделки ничтожные и недействительные. Разница между ними состоит в том, что ничтожные сделки недопустимы, а недействительные при определенных условиях могут быть исцелены [2, с. 517]. Такими условиями являются:

– одобрение или признание сделки со стороны лица, уполномоченного на возбуждение спора о признании ее недействительной;

– вследствие пропуска уполномоченным лицом срока исковой давности на предъявление требования о признании сделки недействительной.

Разделял точку зрения К. Н. Анненкова Ю. С. Гамбаров [8, с. 743].

Е. В. Васьковский отмечал, что исцелению подлежат не все недействительные сделки, а только те, которые существуют, но могут быть оспорены или опровергнуты. Абсолютно ничтожные и уже уничтоженные по требованию управомоченного лица сделки невозможно обратить в действительные [7, с. 129].

Г. Ф. Шершеневич полагал, что оспоримая сделка может быть исцелена только по истечении срока исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной, но «никакая давность не в состоянии придать ничтожной сделке юридическую силу...» [39, с. 347].

Статья 97 проекта Гражданского уложения [16, с. 157] содержала весьма прогрессивную норму о возможности конвалидации оспоримых сделок: «Сделки, действительность коих может быть оспорена по основаниям, указанным в статьях 60-64, а равно сделки, недействительные лишь в отношении определенного лица, могут быть подтверждены лицом, которое вправе было их оспорить».

Таким образом, несмотря на то, что в российском праве доминирующей была позиция о неисцелимости ничтожных сделок, Сенат не-

редко выносил решения об их признании. Например, это касалось сделок, совершенных несовершеннолетними без согласия законного представителя, но только в том случае, если по достижении совершеннолетия сторона подтверждала и признавала такие сделки.

В ГК РСФСР 1922 г. не было нормы, предусматривающей возможность исцеления ничтожной сделки. Тем не менее в инструктивном письме Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР № 1 за 1927 г. содержалось правило, в соответствии с которым сделка, совершенная с нарушением требования о ее нотариальной форме, при определенных условиях «в интересах участвующих в сделке трудящихся», могла быть признана судом действительной «с возложением на заинтересованную сторону обязанности оформить сделку в нотариальных органах в определенный судом срок» [33, с. 33].

Правило, аналогичное норме пункта 1 статьи 165 ГК РФ, содержалось в абзаце 2 статьи 47 ГК РСФСР 1964 г., в соответствии с которой судебное решение конвалидировало ничтожную сделку. При этом Ф. С. Хейфец, например, отмечает, что конвалидацию ничтожных сделок нельзя обосновать ни теоретическими, ни практическими соображениями: «...Логика и последовательность изменяют авторам Гражданского кодекса... которые дают правонарушителям легальную возможность обойти закон с помощью судебного решения» [38, с. 33]. Ученый называет исключение из правил о признании недействительных сделок лазейкой для правонарушителей, однако соглашается с тем, что наличие в законе каких-либо исключений снимает с данного факта ярлык противоправности.

Т. М. Яблочков справедливо отмечал: «Мы должны всегда помнить, что там, где есть “принцип”, там есть и исключение, и не одна “логика” обязательна для юриста... Жизнь с ее запросами расширяет брешь “исключений”, и мы были бы неправы, если бы настаивали на абсолютной (т. е. без всяких оговорок) силе указанного “принципа” права» [42, с. 231].

Итак, несмотря на полярность мнений, конвалидация недействительных сделок не была чужда российской цивилистике. Мы полагаем, что до конца осмыслить эту проблему без обращения к опыту развитых стран континентальной Европы невозможно. Особого внима-

ния, по нашему мнению, заслуживает гражданское законодательство Франции, в котором наиболее четко закреплено явления конвалидации недействительных сделок.

Гражданское законодательство Франции дифференцирует недействительные сделки на абсолютно недействительные (по российскому законодательству – ничтожные) и относительно недействительные (по российскому законодательству – оспоримые). Первые не подлежат исцелению ни при каких условиях. А вот вторые при соблюдении определенных условий могут быть конвалидированы. Условия исцеления относительно недействительных сделок можно разделить на две группы: относящиеся к подтверждению по существу и относящиеся к форме подтверждения.

К первой группе условий относятся следующие: 1) к моменту подтверждения сделки порок не должен иметь место (ст. 1311, 1115 Гражданского кодекса Франции); 2) лицо, подтверждающее порочную сделку, знает о существовании порока, его намерения направлены именно на исцеление этой порочной сделки. По форме подтверждение может быть либо прямым, либо молчаливым. Чтобы прямое подтверждение недействительной сделки имело силу, необходимо, чтобы в соответствующем акте излагалось «существо подтверждаемого обязательства, указывался мотив иска о признании обязательства недействительным и устанавливалось намерение исправить порок, на котором основывается этот иск» (ч. 1 ст. 1338 Гражданского кодекса Франции). Молчаливое подтверждение может выражаться в полном или частичном исполнении недействительной сделки, а также в любых других действиях, позволяющих считать, что лицо, имеющее право оспорить сделку, желает сохранить ее силу (например, в распоряжении вещью, приобретенной на основании договора, признания недействительности которого мог бы потребовать распорядившийся, «поскольку, распоряжаясь вещью, это лицо создает для себя невозможность восстановить *status quo ante*» [26, с. 284] (ст. 1338 Гражданского кодекса Франции). В случае подтверждения оспоримой сделки она признается действительной с момента совершения.

Также необходимо отметить, что доктрина выделяет концепцию законного предположения

подтверждения договора [26, с. 287]. Речь идет о сроке давности (ст. 1304 Гражданского кодекса Франции) и основанном на факте его истечения предположении о том, что, не предъявив на протяжении 10 лет иска об уничтожении этого договора, сторона отказалась от своего права на этот иск. По общему правилу, данное положение неприменимо к абсолютно недействительным сделкам, однако в судебной практике были случаи, когда на соответствующие иски распространялось действие статьи 2262 Гражданского кодекса Франции, предусматривающей срок исковой давности в тридцать лет ко всем сделкам¹. Причем в указанной статье речь идет только об исках, а это — основание полагать, что возражения о недействительности могут быть заявлены и после окончания срока давности.

В гражданском праве Германии выделяют ничтожные и оспоримые сделки, а также незаконченные сделки, т. е. находящиеся в неопределенном состоянии [40, с. 306], которые при наступлении определенного юридического факта становятся действительными *ex tunc*. Ничтожные сделки считаются индифферентными для права юридическими фактами, а значит, они не могут быть конвалидированы. Также гражданское право Германии исходит из положения о том, что действия, внешне кажущиеся подтверждением недействительной сделки, на самом деле представляют собой действия по совершению новой сделки [15, с. 225], а потому должны отвечать всем требованиям, предъявляемым к сделкам. Однако нельзя не упомянуть про весьма интересный абзац 2 § 141 Гражданского уложения Германии, который устанавливает: «В том случае, если ничтожный договор подтверждается сторонами, они обязаны, в случае сомнения, предоставить друг другу все то, что следовало бы им, если бы договор был изначально действителен» [15, с. 225]. Д. О. Тузов полагает, что формулировка абзаца 2 § 141 Гражданского уложения Германии является исключением из общего правила о неисцелимости ничтожного договора — на случай «неясности намерения сторон, совершивших подтверждение» [37]. Пожалуй, согласимся с данным

утверждением, поскольку в случае неясности условий подтверждения, которая, по общему правилу, рассматривается как новая сделка, норма абзаца 2 § 141 Гражданского уложения Германии предписывает сторонам руководствоваться условиями первоначально совершенной ничтожной сделки: таким образом, первоначально совершенная ничтожная сделка приобретает юридическую силу, что свидетельствует о том, что норма абзаца 2 § 141 Гражданского уложения Германии предусматривает исключение из общего правила о неисцелимости ничтожной сделки, которое устанавливается непосредственно сторонами сделки, а не судом. Следует отметить, что норма аналогичного содержания содержится в пункте 4 статьи 84 Закона об общей части Гражданского кодекса Эстонии 2002 г.

Оспоримые сделки по немецкому праву могут быть исцелены посредством подтверждения [15, с. 226]. При этом лицо, подтверждающее оспоримую сделку, должно знать о ее пороке, а если имеется несколько оснований для оспаривания, то подтверждение исключает дальнейшее оспаривание сделки по тому основанию, о котором было известно или должно было быть известно управомоченной на оспаривание стороне. Подтверждение не является элементом состава сделки, поэтому, в отличие от французского законодательства, не устанавливает строгих требований к форме акта о подтверждении. Доктрина допускает и молчаливое подтверждение — в случаях, когда лицо, зная о праве оспаривания, исполняет оспоримый договор или производит дальнейшее отчуждение права, приобретенного по оспоримой сделке [40, с. 318].

Гражданский кодекс Квебека исходит из строгого принципа неисцелимости ничтожных сделок, который не предусматривает каких-либо исключений².

Гражданский кодекс Италии, по общему правилу, не допускает исцеления ничтожной сделки (ст. 1423 Codice civile), за исключением подтверждения ничтожных завещания (ст. 590 Codice civile) и дарения (ст. 799 Codice civile), которые являются примерами установленных законом исключений, что прямо предусмотрено

¹ Определение палаты по гражданским делам Кассационного суда Франции от 11 нояб. 1845 г. Цит. по: *Морандьер де ла Л. Жюллио*. Гражданское право Франции / пер. с фр. Е. А. Флейшиц. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 286.

² Абзац 2 статьи 1418 Гражданского кодекса Квебека 1991 года. URL: <http://constitutions.ru/?p=413> (дата обращения: 05.09.2017).

в статье 1423 Codice civil: «ничтожный договор не может быть подтвержден, если закон не устанавливает иное»¹.

Весьма интересная норма о подтверждении недействительной сделки содержится в Гражданском кодексе Нидерландов. Согласно части 1 статьи 55 Гражданского кодекса этой страны [29, с. 130], после подтверждения сделки нельзя ссылаться на ее недействительность. Причем данная норма не раскрывает, к каким сделкам применяется указанное правило – только к оспоримым или к оспоримым и ничтожным. Право оспаривания также прекращается, если заинтересованная сторона предоставила управомоченному на оспаривание сделки лицу разумный срок для того, чтобы оно либо подтвердило, либо оспорило сделку, но так и не получила ответа.

Таким образом, гражданское законодательство развитых зарубежных стран допускает исцеление недействительной сделки. При этом почти во всех странах континентальной Европы выработан единый подход к решению рассматриваемой проблемы: ничтожные сделки неисцелимы ни при каких обстоятельствах.

С учетом исследованных доктринальных разработок и зарубежного опыта правового регулирования понятие конвализации недействительной сделки следует сформулировать следующим образом: конвализация недействительной сделки – это правовое средство, выражающееся в совокупности действий сторон порочной сделки и (или) суда по устранению имеющихся в сделке пороков, в результате чего сделка становится действительной для права и порождает все вытекающие из нее правовые последствия.

Исцеление ничтожной сделки, вопреки общему правилу о неисцелимости ничтожности, представляет собой придание ничтожной сделке силы с момента ее совершения.

Согласно пункту 1 статьи 166 ГК РФ, ничтожная сделка изначально недействительна; она не влечет никаких последствий, за исключением последствий ее недействительности, и не нуждается в дополнительном подтверждении судом как недействительной. Несмотря на

такую категоричность, есть ситуации, при которых конвализация ничтожной сделки становится возможной – в силу необходимости защиты особого интереса. Однако стоит особо заметить, что именно в силу изначальной недействительности ничтожной сделки такая сделка подлежит исцелению только в случаях, прямо указанных в законе. В отличие от оспоримых сделок конвализация ничтожных сделок возможна только в судебном порядке. Решение суда в данном случае будет являться преобразовательным. Таким образом, исцеление ничтожной сделки допускается при совокупности двух условий:

– прямое указание в законе на возможность исцеления ничтожной сделки;

– судебный порядок исцеления ничтожности.

Гражданский кодекс РФ содержит три возможных состава конвализации ничтожных сделок:

– сделка, требующая нотариального удостоверения и полностью или частично исполненная одной стороной сделки – при уклонении другой стороны от нотариального удостоверения (ст. 165 Гражданского кодекса РФ);

– сделка, совершенная гражданином, признанным судом недееспособным (ст. 171 Гражданского кодекса РФ);

– сделка, совершенная несовершеннолетним, не достигшим возраста 14 лет (малолетним) (ст. 172 Гражданского кодекса РФ).

Рассмотрим более подробно данные составы.

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации» статья 163 Гражданского кодекса РФ была дополнена пунктом 3, устанавливающим последствие в виде ничтожности сделки, обязательная нотариальная форма которого не соблюдена². Таким образом, применяя в совокупности нормы пунктов 2 и 3 статьи 163 Гражданского кодекса РФ, можно прийти к выводу о том, что пункт 1 статьи 165 Гражданского кодекса РФ содержит норму, регулирующую конвализацию ничтож-

¹ Гражданский кодекс Италии: утв. Королевским указом от 16 марта 1942 г. № 262. Ст. 590, 799. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=2508> (дата обращения: 05.09.2017).

² О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2327.

ной вследствие отсутствия нотариального удостоверения сделки.

Следует отметить, что нотариальное удостоверение относится к характеристикам формы сделки (ст. 158 ГК РФ). К. М. Арсланов указывает, что появление в российском законодательстве нормы, предусматривающей конвалидацию сделки с пороком формы, связано с тем, что на развитие отечественного права большое влияние оказало право немецкое [3, с. 61], предусматривающее возможность конвалидации, если стороны исполнили свои обязательства по сделке (§313, §518, §766 Гражданского уложения Германии).

Для конвалидации ничтожной сделки вследствие несоблюдения нотариальной формы сделки необходима совокупность следующих условий:

- 1) сделка в силу пункта 2 статьи 163 Гражданского кодекса РФ требует нотариального удостоверения, которое отсутствует;
- 2) одна из сторон полностью или частично исполнила такую сделку;
- 3) другая сторона уклоняется от нотариального удостоверения такой сделки;
- 4) конвалидация сделки осуществляется в судебном порядке по требованию стороны, полностью или частично исполнившей сделку.

Согласно пункту 2 статьи 171 ГК РФ, сделка, совершенная недееспособным лицом, может быть по требованию его опекуна признана судом действительной, если она совершена к выгоде недееспособным лица.

Порок сделок, одной из сторон в которых является недееспособное лицо, состоит в том, что в силу недееспособности воля на совершение сделки у такого лица не была сформирована надлежащим образом, вследствие чего у контрагента появилась возможность злоупотребить правом. То есть ничтожность таких сделок была установлена с целью исключения возможности злоупотребления.

Однако возможны ситуации, когда в результате сделки признанное недееспособным лицо может приобрести для себя только выгоду. В таких случаях может возникнуть необходимость в конвалидации. Поэтому, по мнению Е.Е. Богдановой, закрепляя возможность исцеления данного состава ничтожной сделки (ст. 171 ГК РФ), законодатель учел и фактор слабой стороны, и выгодность сделки для нее [5, с. 71].

Пунктом 2 статьи 172 ГК РФ предусмотрено на возможность по требованию законных представителей конвалидации сделки, совершенной к выгоде малолетнего. Сделки, совершенные малолетними, как и сделки, совершенные недееспособными, имеют порок субъектного состава. Для придания таким ничтожным сделкам юридической силы необходим фактический состав, элементами которого являются:

- экономическая выгода от сделки для малолетнего;
- инициирование его законными представителями судебного процесса по признанию сделки действительной;
- судебное признание ничтожной сделки действительной.

Как видим, условием конвалидации рассматриваемых составов ничтожных сделок является выгода, которую получит от сделки малолетнее или недееспособное лицо. Критерии выгоды сделки в каждом случае определяются судом. Ученые полагают, что сделка может считаться совершенной к выгоде слабой стороны сделки, если в результате ее совершения стоимость имущества, принадлежащего малолетнему или лицу, признанному недееспособным, увеличивается [14, с. 167]. Относительно момента времени, на который устанавливается выгода сделки, Д. О. Тузов полагает, что выгода сделки устанавливается не на момент совершения сделки, а на момент рассмотрения спора судом, при этом суд должен учитывать возможные и прогнозируемые изменения рыночной конъюнктуры [37, с. 129].

Представляется также, что при рассмотрении вопроса о признании ничтожной сделки действительной по требованию законных представителей суд должен установить, является ли контрагент малолетнего или недееспособной стороны добросовестным (ст. 1 ГК РФ), поскольку в противном случае недобросовестное поведение лица получит судебную защиту.

В законодательстве остается открытым вопрос, в течение какого срока законные представители по данным составам ничтожных сделок могут заявить требование о признании сделки действительной. Д.О. Тузов полагает, что в данном случае подлежит применению общий трехлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ) [21, с. 516]. Иного мнения придерживается А. П. Сергеев, указывая, что по отношению к

данным составам ничтожных сделок требование о признании действительным договора может быть предъявлено в любой момент, вне зависимости от того, сколько времени прошло с момента совершения сделки [18]. Свою позицию ученый мотивирует тем, что в данной ситуации речь не идет о защите нарушенного права, дополнительно приводя аргумент о том, что решение вопроса не зависит от позиции дееспособной стороны сделки (нет спора о праве). Данная позиция представляется спорной, поскольку: во-первых, ничтожность нарушает имущественный интерес малолетнего или недееспособной стороны, к выгоде которых совершена сделка; во-вторых, отсутствие какого-либо ограничения по временным пределам влечет за собой неопределенность в правовом положении, вследствие чего ограничиваются права второй стороны сделки.

Для полноты исследования следует отметить, что нормы об исцелении сделок, совершенных малолетними или лицами, признанными недееспособными, с учетом выгоды сделки для последних, присутствуют и в зарубежном законодательстве.

В соответствии с § 108 Гражданского уложения Германии, если несовершеннолетний совершает сделку без необходимого согласия законного представителя, действительность сделки ставится в зависимость от последующего согласия законного представителя. Такое согласие должно быть предоставлено в течение двух недель после получения запроса об этом от другой стороны сделки; если в течение двух недель законный представитель не даст ответ, то считается, что в согласии отказано [15, с. 201]. Необходимо отметить, что согласие законного представителя не требуется, если сделка направлена к получению несовершеннолетним правовых преимуществ.

Гражданское право Франции устанавливает различный правовой режим для сделок несовершеннолетнего и лица, лишенного дееспособности. В соответствии со статьями 1125, 1305 Гражданского кодекса Франции, сделки несовершеннолетних являются действительными, за исключением убыточных сделок. Действует правило: «восстановление прежнего положения производится для несовершеннолетнего не вследствие его несовершеннолетия, а вследствие понесенного им ущерба». Только сделки,

повлекшие убытки для несовершеннолетнего, подлежат оспариванию. Согласно статье 502 Гражданского кодекса Франции, сделка, совершенная лицом, лишенным дееспособности, является недействительной, причем вне зависимости от того, повлекла ли она убытки для недееспособного [26, с. 229].

В соответствии со статьей 1425 Гражданского кодекса Италии, сделки недееспособного являются оспариваемыми. Данные сделки признаются недействительными, если в результате совершения сделки недееспособный понес ущерб или если контрагент недееспособной стороны являлся недобросовестным¹.

Гражданский кодекс Украины², помимо предусмотренных в Гражданском кодексе РФ случаев признания ничтожной сделки, совершенной малолетним/недееспособным, действительной, также допускает возможность судебного исцеления ничтожной сделки, если будет установлено, что сделка, совершенная без разрешения органов опеки и попечительства лицом, над которым установлена опека или попечительство, соответствует интересам этого лица (ч. 2 ст. 224 Гражданского кодекса Украины).

Рассмотренные выше случаи судебного исцеления ничтожных сделок позволяют сделать вывод о том, что дефектность субъектного состава или порок в форме, имеющие место на момент совершения сделки, в данных разновидностях недействительных сделок невосполнимы: судебное решение в данных случаях не устраняет порока субъектного состава или порока в форме, поэтому есть основания говорить, что конвалидация этих составов ничтожных сделок по механизму представляет собой законодательно установленную фикцию исцеления недействительной сделки.

Механизм конвалидации оспариваемых сделок отличается от конвалидации ничтожных сделок – последние, несмотря на свою порочность, изначально действительны, и зависят от того, на что именно направлена воля управомоченной на оспаривание стороны: на исцеление или на превращение сделки в недействительную. Соглашаясь на исцеление, управомоченный контрагент признает действительность

¹ Гражданский кодекс Италии.

² Гражданский кодекс Украины от 16 янв. 2003 г. № 435-IV. URL: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/82-gku.html> (дата обращения: 05.09.2017).

сделки и принимает те последствия, которые такая сделка может повлечь [32, с. 87]. При этом он утрачивает право на дальнейшее оспаривание сделки. С юридической точки зрения это означает полную действительность подтвержденной оспоримой сделки.

Конвалидация оспоримой сделки, заключающаяся в утрате управомоченным лицом права на ее дальнейшее оспаривание, не требует специального указания на то в законе, поскольку право на оспаривание сделки лежит в диспозитивной плоскости субъективного права и управомоченное лицо самостоятельно распоряжается данным правом: либо оспаривая и уничтожая сделку, либо подтверждая ее действительность, либо теряя данное право в силу истечения срока исковой давности или в силу своего недобросовестного поведения, позволившего другой стороне добросовестно полагаться на действительность сделки.

Существуют следующие способы конвалидации оспоримых сделок:

1. Одобрение (подтверждение) оспоримой сделки. Данный способ подробно не регулируется в российском праве, однако нет сомнений в том, что это одна из возможностей исцеления оспоримой сделки. По мнению И. Пухан и М. Поленак-Акимовской [30, с. 235], подтверждение (*ratihabito*) имеет место в ситуации, когда оспоримые сделки по воле лица, управомоченного на оспаривание (путем отказа от их оспаривания или от применения возражения о недействительности сделки), либо по прошествии времени приобретают полную юридическую силу.

Юридическим фактом, исцеляющим оспоримую сделку, в данном случае выступает одобрение оспоримой сделки лицом, чье согласие должно было быть получено при ее совершении. Причем здесь, в отличие от случаев последующего одобрения ничтожной сделки, которая становится действительной в силу судебного решения, в случае с оспоримыми сделками, одобрение лица, согласие которого требовалось, выступает самостоятельным основанием конвалидации сделки и не требует наличия других юридических фактов.

Правила о последующем согласии на совершение сделки содержатся в статьях 157.1, 173.1 ГК РФ, а также в федеральных законах

«Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹.

Необходимо заметить, что последующее одобрение сделки возможно, если оно было сделано до рассмотрения дела в суде [17, с. 451].

В эту же группу входит такой способ, как отказ от оспаривания сделки. Необходимо сказать, что конвалидировать оспоримую сделку посредством отказа от права оспаривания может только лицо, управомоченное ее оспорить. В соответствии с российским законодательством, отказаться от реализации права на оспаривание можно только фактически; юридически такой отказ невозможен в силу принципа, закрепленного в статье 22 ГК РФ: «Никто не может быть ограничен в правоспособности. Полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности, ничтожны, если иное не предусмотрено законом». А право стороны сделки оспорить сделку является элементом правоспособности. Поэтому отказ стороны сделки от права оспаривания может лежать только в фактической плоскости. Однако тут необходимо сделать несколько замечаний: дело в том, что может сложиться ситуация, при которой управомоченная на оспаривание сделки сторона, действуя недобросовестно, создает у контрагента видимость волеизъявления на сохранение силы сделки, вследствие чего другая сторона, обоснованно полагаясь на видимость волеизъявления, исполняет сделку, а в дальнейшем, получив исполнение, но не осуществив встречного предоставления, управомоченная сторона оспаривает сделку в суде и разрушает силу сделки. Для защиты добросовестной стороны в данном случае представляется эффективным использование известного по опыту англосаксонской системы права правила эстоппель в его частном проявлении – в виде доктрины непротиворечивого поведения [27, с. 88]. Суть ее заключается в следующем: сторона, которая создала у контрагента видимость намерения сохранить силу сделки, не вправе в даль-

¹ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1; Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Там же. 1998. № 7, ст. 785.

нейшем оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли. Необходимо заметить, что данное правило нашло закрепление в статье 166 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Представляется, что для исцеления оспоримой сделки, в соответствии с абзацем 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ, необходимы следующие условия:

1) сторона знала или должна была знать о недействительности сделки при проявлении воли на ее совершение;

2) из поведения данной стороны явствует ее воля на сохранение сделки в силе (например, сторона совершает действия по исполнению сделки) – тем самым, впоследствии заявляя требование об оспаривании сделки, сторона ведет себя недобросовестно. Следует отметить, что поведение, о котором идет речь в анализируемой статье, может выражаться не только в последующем исполнении сделки, но и, например, в устном или письменном подтверждении действительности сделки в отношениях с третьими лицами, в подготовке к исполнению сделки, в переписке, подтверждающей действие сделки, и т. п.;

3) добросовестность контрагента (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Если обе стороны сделки действовали недобросовестно, такую сделку нельзя исцелить, поскольку правило эстоппель не направлено на защиту прав и интересов недобросовестного лица. Иного мнения придерживается М. А. Егорова, отмечая, что для применения принципа эстоппель не имеет значения, кем произведено исполнение, исцеляющее сделку, – добросовестной стороной или недобросовестной, а важно, что условия сделки реально выполнены, поскольку действия по исполнению сделки свидетельствуют о законченности волеизъявления лица [19]. Позволим себе не согласиться с данной позицией, поскольку допущение защиты недобросовестного лица, исполнившего сделку, полностью противоречит существу правила эстоппель, поощряет и предоставляет правовую защиту злоупотреблению правом;

4) недобросовестная сторона лишается права оспаривать сделку по основанию недействительности, о котором она знала или должна была знать при проявлении воли, но не лишается права оспаривать сделку по другому основанию, если таковое имеется.

Вместе с тем необходимо отметить, что существуют исключения из правила абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ. Речь идет о случаях, при которых конвалидация оспоримой сделки на основании правила эстоппель невозможна:

1) сделка юридического лица противоречит целям деятельности, закрепленным в его учредительных документах (ст. 173 ГК РФ), не подлежит конвалидации, так как элементом состава недействительности такой сделки является недобросовестность контрагента, а эстоппель выступает правовым средством защиты только добросовестного лица;

2) сделки, совершенные под влиянием неблагоприятных обстоятельств, насилия, угрозы или обмана (ст. 179 ГК РФ), не могут быть исцелены, так как воля стороны не могла свободно сформироваться вследствие недобросовестных действий контрагента. Невозможность исцеления таких сделок (ст. 173, 179 ГК РФ) объясняется действием принципа, запрещающего извлекать преимущества из своего недобросовестного или незаконного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ);

3) сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), не могут быть исцелены вследствие порока воли – сторона добросовестно заблуждалась относительно природы сделки, и было бы несправедливо лишать ее права на защиту путем оспаривания сделки, так как дальнейшее оспаривание сделки по этому основанию не будет являться злоупотреблением правом.

По нашему мнению, ссылка на правило эстоппель, закрепленное в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ, применима также и к случаям недобросовестного оспаривания части сделки (ст. 180 ГК РФ) с тем лишь замечанием, что доктрина непротиворечивого поведения будет работать и, соответственно, блокировать право оспаривания в отношении только тех условий договора, которые были подтверждены последующим поведением стороны.

2. Истечение срока исковой давности. В силу того, что оспоримая сделка порождает правовые последствия с момента совершения, но может быть опровергнута в суде лицом, уполномоченным на оспаривание, необходимо сказать, что оспоримая сделка – условно действительна. Однако требования разумности не могут позволить каким-либо отношениям в течение столь длительного времени находиться в неопределенном состоянии, в силу чего нормы объективного права устанавливают определенные сроки для судебной защиты прав (исковая давность), с истечением которых требование лица не может быть удовлетворено судом. В отношении требований о признании оспори-мой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности Гражданский кодекс РФ устанавливает срок исковой давности в один год. Началом его считается день прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка, либо день, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной (ст. 181 ГК РФ).

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 41–55.
2. *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 599 с.
3. *Арсланов К. М.* Формальные требования к сделке по законодательству России и Германии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 4. С. 54–62.
4. *Ахмедов А. Я., Косенко Е. В.* Недействительность сделок: учеб. пособие. Саратов: Наука, 2015. 61 с.
5. *Богданова Е. Е.* Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 8. С. 70–76.
6. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. 3-е изд. М.: Статут, 2011. Кн. первая: Общие положения. 847 с.
7. *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
8. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть / ред. и предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 816 с.
9. *Генкин Д. М.* Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки ВЮЮН. Вып. V. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 40–57.
10. *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств / пер. с фр. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 511 с.
11. *Гримм Д. Д.* Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Пролегомены к общей теории гражданского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Т. I. 319 с.
12. *Гражданское право: в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов.* М.: БЕК, 1998. Т. 1. 816 с.
13. *Гражданское право: в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева.* М.: РГ-Пресс, 2011. Т. 1. 1008 с.
14. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / Б. М. Гонгало, А. В. Демкина, М. Я. Кириллова [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова.* М.: Статут, 2013. 270 с.
15. *Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению – Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz / пер. с нем.; введ., сост. В. Бергманн; науч. ред. Т. Ф. Яковлева.* 4-е изд. М., 2015. 888 с.
16. *Гражданское уложение. Книга 1: Положения общие. Проект Высочайше Учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова.* М.: Волтерс Клувер, 2007. 226 с.
17. *Гутников О. В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. 576 с.
18. *Дятлов Е. В.* Согласие как юридический факт в российском и немецком гражданском праве // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 29–32.
19. *Егорова М. А.* Конвалидация недействительных договоров на основании принципа estoppel в российском гражданском законода-

тельстве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 143 с.

21. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации* / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. Ч. 1: Учеб.-практ. комментарий. 912 с.

22. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 494 с.

23. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

24. *Марченко М. Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2005. 768 с.

25. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. [по исп. и доп. 8-му изд., 1902]. 3-е изд.. М.: Статут, 2003. 831 с.

26. *Морандьер де ла Л. Жюллио.* Гражданское право Франции / пер. с фр. Е. А. Флейшиц. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 742 с.

27. *Низамова Г. Х.* Межсистемные связи доктрины непротиворечивого поведения (эстоппель) как средства конвалидации договора // Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. студ. и асп. / сост. И. Р. Асатуллин, Т. Р. Бахия, Д. А. Валеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013. Т. 1. С. 88–90.

28. *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 247 с.

29. *Правовая система Нидерландов* / отв. ред. д. ю. н., проф. В. В. Бойцова, д. ю. н., проф. Л. В. Бойцова. М.: Зерцало, 1998. 432 с.

30. *Пухан И., Поленак-Акимовская М.* Римское право (базовый учебник) / пер. с македон. М.: Зерцало, 1999. 448 с.

31. *Рабинович Н. В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.

32. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М.: БЕК, 2002. 400 с.

33. *Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР* / под ред. И. Л. Булата. 4-е изд. М.: Советское законодательство, 1935. 388 с.

34. *Скловский К. И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды

и форма сделок. Недействительность сделок). 3-е изд. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. *Теория государства и права: учебник* / В. Л. Кулапов, А. В. Малько. М.: Норма: ИН-ФРА-М, 2013. 784 с.

36. *Теория государства и права: учебник* / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 2-е изд. М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. 743 с.

37. *Тузов Д. О.* Ничтожность и оспори-мость юридической сделки. М.: Статут, 2006. 204 с.

38. *Хейфец Ф. С.* Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. 164 с.

39. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 461 с.

40. *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом 2: Введение и общая часть / пер. с нем. Л.: Иностр. лит., 1950, 483 с.

41. *Эртманн П.* Основы учения о видимости права // Вестник гражданского права. 2011. № 4. С. 273–305.

42. *Яблочков Т. М.* Исцеление порока формы в договорах // Вестник советской юстиции. 1926. № 6. С. 231–233.

43. *Bydlinski F.* Privatautonomie und objektive Grundlagen des verpflichtenden Rechtsgeschäftes. Springer, 1967. 230 S.

44. *Canaris C. W.* Die Vertrauenshaftung im deutschen Privatrecht. München: Beck, 1971. 491 S.

45. *Drexelius M.* Irrtum und Risiko, Rechtsvergleichende Untersuchung und Reform vorschläge zum Recht der Irrtumsanfechtung. Frankfurt a. M. und Berlin: Metzner, 1964.

46. *Koziol H.* Von der rechtsgeschäftlichen Bindung zur Vertrauenshaftung // Festschrift für Gert Iro zum 65. Geburtstag. Sonderdruck / St. Perner, O. Riss (Hgs.). Wien: Jan Sramek Verlag, 2013. S. 81–100.

47. *Loser P.* Die Vertrauenshaftung im schweizerischen Schuldrecht. Bern: Stämpfli, 2006. 169 S.

48. *Manigk A.* Das rechtswirksame Verhalten // Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1939. 541 S.

References

1. Agarkov M. M. *Ponyatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [The Concept of Transactions under Soviet Civil Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1946. Issue 3–4. Pp. 41–55. (In Russ.).
2. Annenkov K. N. *Sistema russkogo grazhdanskogo prava* [The System of Russian Civil Law]. Vol. 1. *Vvedenie i obshchaya chast'* [Introduction and General Part]. St. Petersburg, 1894. 599 p. (In Russ.).
3. Arslanov K. M. *Formal'nye trebovaniya k sdelke po zakonodatel'stvu Rossii i Germanii* [Formal Requirements for a Legal Transaction in Russian and German Law]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2014. Vol. 156. Issue 4. Pp. 54–62. (In Russ.).
4. Akhmedov A. Ya., Kosenko E. V. *Nedeystviteľnost' sdelok: uchebnoe posobie / A. Ya. Akhmedov, E. V. Kosenko* [Invalidity of Transactions: Textbook; A. Ya. Akhmedov, E. V. Kosenko]. Saratov, 2015. 61 p. (In Russ.).
5. Bogdanova E. E. *Princip dobrosovestnosti v deystviyakh storon i problemy ozdorovleniya (konvalidacii) nedeystviteľ'nykh sdelok* [The Principle of Good Faith in the Actions of the Parties and the Problems of Recovery (Convalidation) of Invalid Transactions]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2010. Issue 8. Pp. 70–76. (In Russ.).
6. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo* [Contract Law]. Book One. *Obshchie polozheniya. 3-e izd.* [General Provisions. 3rd ed.]. Moscow, 2011. 847 p. (In Russ.).
7. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of Civil Law]. Moscow, 2003. 382 p. (In Russ.).
8. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. i s predisloviem V. A. Tomsinova* [Civil Law. General Part; ed. by V. A. Tomsinov]. Moscow, 2003. 816 p. (In Russ.).
9. Genkin D. M. *Nedeystviteľnost' sdelok, sovershennykh s cel'yu, protivnoy zakonu* [Invalidity of Transactions Contrary to the Law]. *Uchenye zapiski VIYuN. Vyp. V* [Proceedings of the All-Union Institute of Jurisprudence. Issue V]. Moscow, 1947. P. 40–57. (In Russ.).
10. Godeme E. *Obshchaya teoriya obyazatel'stv. Per. s fr.* [General Theory of Obligations. Transl. from French]. Moscow, 1948. 511 p. (In Russ.).
11. Grimm D. D. *Osnovy ucheniya o yuridicheskoy sdelke v sovremennoy nemeckoy doktrine pandektnogo prava. Prolegomeny k obshchey teorii grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the Doctrine of a Legal Transaction in the Modern German Doctrine of Pandemic Law. Prolegomena to the General Theory of Civil Law]. St. Petersburg, 1900. Vol. 1. 319 p. (In Russ.).
12. *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* [Civil Law: in 2 vols.]. Vol. I. *Uchebnik / otv. red. prof. E. A. Sukhanov* [Textbook; ed. by E. A. Sukhanov]. Moscow, 1998. 816 p. (In Russ.).
13. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1. / E. N. Abramova, N. N. Averchenko, Yu. V. Baygusheva [i dr.]; pod red. A. P. Sergeeva* [Civil Law: Textbook: in 3 vols.; E. N. Abramova, N. N. Averchenko, Yu. V. Baygusheva et al.; ed. by A. P. Sergeev]. Moscow, 2011. Vol. 1. 1008 p. (In Russ.).
14. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federacii. Sdelki. Resheniya sobraniy. Predstavitel'stvo i doverennost'. Sroki. Iskovaya davnost'. Postateynyy kommentariy k glavam 9-12 / B. M. Gongalo, A. V. Demkina, M. Ya. Kirillova i dr.; pod red. P. V. Krashenninnikova* [The Civil Code of the Russian Federation. Transactions. Resolutions of Meetings. Representation and Power of Attorney. Time Constraints. Limitation. Article by Article Commentary on Chapters 9–12; B. M. Gongalo, A. V. Demkina, M. Ya. Kirillova et al.; ed. by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2013. 270 p. (In Russ.).
15. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyy zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu - Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einföhrungsgesetz; per. s nem. / [V. Bergmann, vved., sost.]; nauch. red. T. F. Yakovleva. 4-e izd.* [German Civil Code: Introductory Act to the Civil Code – Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einföhrungsgesetz; transl. from German; V. Bergmann; ed. by T. F. Yakovleva. 4th ed.]. 2015. 888 p. (In Russ.).
16. *Grazhdanskoe ulozhenie*. [Civil Code]. Book 1. *Polozheniya obshchie. Proekt Vysochayshe Uchrezhdennoy Redakcionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya (s ob'yasneniyami, izvlechennymi iz trudov Redakcionnoy komissii) / pod red. I. M. Tyutryumova* [General Provisions. A Draft of Imperially Founded Editorial Commission on Drawing up the Civil Code

(with Explanations Extracted from the Proceedings of the Drafting Committee); ed. by I. M. Tyutyumov]. Moscow, 2007. 226 p. (In Russ.).

17. Gutnikov O. V. *Nedeystvitel'nye sdelki v grazhdanskom prave. Teoriya i praktika osparivaniya* [Invalid Transactions in Civil Law. Theory and Practice of Contestation]. Moscow, 2003. 576 p. (In Russ.).

18. Dyatlov E. V. *Soglasie kak yuridicheskiy fakt v rossiyskom i nemeckom grazhdanskom prave* [Consent as a Legal Fact in Russian and German Civil Law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2014. Issue 1. Pp. 29–32. (In Russ.).

19. Egorova M. A. *Konvalidatsiya nedeystvitel'nykh dogovorov na osnovanii principa estoppel v rossiyskom grazhdanskom zakonodatel'stve* [Convalidation of Invalid Contracts on the Basis of Estoppel Principle in Russian Civil Legislation]. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

20. Ioffe O. S. *Pravootnoshenie po sovetскому grazhdanskomu pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law]. Leningrad, 1949. 143 p. (In Russ.).

21. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii*. [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation]. Part 1. *Uchebno-prakticheskiy kommentariy / pod red. A. P. Sergeeva* [Practical-Training Commentary; ed. by A. P. Sergeev]. Moscow, 2010. 912 p. (In Russ.).

22. Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Science of Civil Law]. *Izbrannyye trudy: V 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Moscow, 2005. Vol. 2. 494 p. (In Russ.).

23. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law]. Moscow, 1958. 183 p. (In Russ.).

24. Marchenko M. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnyy* [Problems of Theory of State and Law: Textbook]. Moscow, 2005. 768 p. (In Russ.).

25. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo: V 2 ch. Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. Izd. 3-e* [Russian Civil Law: in 2 parts. On the corrected and amended 8th ed., 1902. 3rd ed.]. Moscow, 2003. 831 p. (In Russ.).

26. Morandière de la L. Julliot. *Grazhdanskoe pravo Francii / per. s fr. E. A. Fleyshic* [French

Civil Law; transl. from French by E. A. Fleyshits]. Moscow, 1958. 742 p. (In Russ.).

27. Nizamova G. Kh. *Mezhsistemnye svyazi doktriny neprotivorechivogo povedeniya (estoppel') kak sredstva konvalidatsii dogovora* [Intersystem Relations of the Doctrine of Consistent Behavior (Estoppel) as a Means of Convalidation of the Treaty]. *Mezhsistemnye i mezhotraslevye svyazi v pravovoy sfere: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov / sost.: I. R. Asatullin, T. R. Bakhiya, D. A. Valeev* [Intersystem and Intersectoral Relations in the Legal Sphere: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates; I. R. Asatullin, T. R. Bakhiya, D. A. Valeev]. Kazan, 2013. Vol. 1. Pp. 88–90. (In Russ.).

28. Novitskiy I. B. *Sdelki. Iskovaya davnost'* [Transactions. Limitation]. Moscow, 1954. 247 p. (In Russ.).

29. *Pravovaya sistema Niderlandov / otv. red. d.yu.n., prof. V. V. Boycova, d.yu.n., prof. L. V. Boycova* [The Legal System of the Netherlands; ed. by V. V. Boytsova, L. V. Boytsova]. Moscow, 1998. 432 p. (In Russ.).

30. Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. *Rimskoe pravo (bazovyy uchebnyy)*. *Perevod s makedonskogo* [Roman Law (Basic Textbook); transl. from Macedonian]. Moscow, 1999. 448 p. (In Russ.).

31. Rabinovich N. V. *Nedeystvitelnost' sdelok i ee posledstviya* [Invalidity of Transactions and Its Consequences]. Leningrad, 1960. 171 p. (In Russ.).

32. Sanfilippo Ch. *Kurs rimskogo chastnogo prava* [A Course of Roman Private Law]. Moscow, 2002. 400 p. (In Russ.).

33. *Sbornik raz'yasneniy Verkhovnogo Suda RSFSR / pod red. I. L. Bulata. Izdanie chetvertoe* [A Collection of Explanations of the Supreme Court of the RSFSR; ed. by I. L. Bulat. 4th ed.]. Moscow, 1935. 388 p. (In Russ.).

34. Sklovskiy K. I. *Sdelka i ee deystvie (3-e izdanie). Kommentariy glavy 9 GK RF (ponyatie, vidy i forma sdelok. Nedeystvitelnost' sdelok)* [The Transaction and Its Validity (3rd ed.). Commentary on the Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation (Concept, Types and Forms of Transactions. Invalidity of Transactions)]. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

35. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* / V. L. Kulapov, A. V. Mal'ko [Theory of State and Law: Textbook; V. L. Kulapov, A. V. Mal'ko]. Moscow, 2013. 784 p. (In Russ.).
36. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* / A. S. Pigolkin, A. N. Golovistikova, Yu. A. Dmitriev; pod red. A. S. Pigolkina, Yu. A. Dmitrieva. 2-e izd. [Theory of State and Law: Textbook; A. S. Pigolkin, A. N. Golovistikova, Yu. A. Dmitriev; ed. by A. S. Pigolkin, Yu. A. Dmitriev. 2nd ed.]. Moscow, 2009. 743 p. (In Russ.).
37. *Tuzov D. O. Nichtozhnost' i osporimost' yuridicheskoy sdelki* [The Insignificance and Voidability of Legal Transaction]. Moscow, 2006. 204 p. (In Russ.).
38. *Heyfec F. S. Nedeystvitel'nost' sdelok po rossiyskomu grazhdanskomu pravu* [Invalidity of Transactions under Russian Civil Law]. Moscow, 1999. 164 p. (In Russ.).
39. *Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. V 2 t.* [Textbook of Russian Civil Law. In 2 vols.]. Moscow, 2005. Vol. 1. 461 p. (In Russ.).
40. *Enneccerus L. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [The Course of German Civil Law]. Vol. 1. Pt. 2. *Vvedenie i obshchaya chast'* / *Per. s nem.* [Introduction and General Part; transl. from German]. Leningrad, 1950. 483 p. (In Russ.).
41. *Oertmann P. Osnovy ucheniya o vidimosti prava* [Fundamentals of the Doctrine of Visibility of Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2011. Issue 4. Pp. 273–305. (In Russ.).
42. *Yablochkov T. M. Iscelenie poroka formy v dogovorakh* [Healing of Form Defect in Contracts]. *Vestnik sovetskoy yusticii* – Bulletin of Soviet Justice. 1926. Issue 6. Pp. 231–233. (In Russ.).
43. *Bydlinski F. Privatautonomie und objektive Grundlagen des verpflichtenden Rechtsgeschäftes*. Springer, 1967. 230 p. (In Germ.).
44. *Canaris C. W. Die Vertrauenshaftung im deutschen Privatrecht*. C. H. Munich: Beck, 1971. 491 p. (In Germ.).
45. *Drexelius M. Irrtum und Risiko, Rechtsvergleichende Untersuchung und Reform vorschläge zum Recht der Irrtumsanfechtung*. Frankfurt am Main; Berlin: Metzner, 1964. (In Germ.).
46. *Koziol H. Von der rechtsgeschäftlichen Bindung zur Vertrauenshaftung. Festschrift für Gert Iro zum 65. Geburtstag. Sonderdruck*; ed. by St. Perner, O. Riss. Jan Sramek Verlag, 2013. Pp. 81–100. (In Germ.).
47. *Loser P. Die Vertrauenshaftung im schweizerischen Schuldrecht*. Bern: Stämpfli, 2006. 169 p. (In Germ.).
48. *Manigk A. Das rechtswirksame Verhalten*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1939. 541 p. (In Germ.).